

15. Martin G. T. The Royal Tomb at El-Amarna II: The Reliefs, Inscriptions, and Architecture with plan and sections by M. Lehner. – London: Egypt Exploration Society, 1989. – XXII, 71 p. + 91 pl.

16. Moran W. Amarna Letters. – London: Johns Hopkins University Press 1992. – 448 p.

17. Murnane W. J. The Boundary Stelae of Akhenaten. – London – New York: Kegan Paul International, 1993. – 227 p. + 32 pl.

18. Reeves N. New Light on Kiya from texts in the British Museum // The Journal of Egyptian Archaeology. – 1988. – Vol. 74. – P.91–101.

19. Stevens A. The Material Evidence for Domestic Religion at Amarna and Preliminary Remarks on Its Interpretation // The Journal of Egyptian Archaeology. – 2003. – Vol. 89. – P.143–168.

20. Wilson J. A. Akh-en-Aton and Nefertiti // Journal of Near Eastern Studies. – 1973. – Vol. 32. – P.235–241.

Zapletniuk O. A., post-graduate student of Kyiv National Taras Shevchenko University Faculty of History, Department of Ancient and Medieval History (Ukraine, Kyiv), dgadefra@mail.ru

The role of the family of Pharaoh Akhenaten in the new religious cult

The article describes the history of the reign of the Egyptian Pharaoh Akhenaten (1349–1333 B.C.). The article describes the main aspects of the sacralization of the royal family and its role in the new cult of the god of the sun disk Aten, examines the causes of the raising of the pharaoh's family at the center of the cult. The attention is paid to the question of whether the members of the royal family worshiped and how it influenced on weakening of atonism in the last years of the reign of Akhenaten.

Keywords: Egypt, Akhenaten, Nefertiti, religion reform, royal cult, defecation.

Zapletniuk O. A., аспирантка кафедри історії древнього мира і середніх віків історичного факультета, Київський національний університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ), dgadefra@mail.ru

Роль семьи фараона Эхнатона в новом религиозном культе

Рассмотрена история периода правления египетского фараона-реформатора Эхнатона (1349–1333 гг. до Р.Х.). В статье изложены основные аспекты сакрализации царской семьи, ее роли в новом культе бога Солнечного диска Атона, рассмотрены причины возведения семьи фараона в центр культуры. Значительное внимание уделяется вопросу о том, являлись ли члены царской семьи объектами поклонения, и как это повлияло на ослабление атонизма в последние годы правления фараона Эхнатона.

Ключевые слова: Египет, Эхнатон, Нефертити, религиозная реформа, царский культ, обожествление.

* * *

УДК 94(367):821.161–94.09

Кириченко М. И., аспирант кафедры историографии, источниковедения и археологии исторического факультета, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (Украина, Харьков), mkiritchenko@gmail.com

СЕВЕРЯНЕ В НЕДАТИРОВАННОЙ ЧАСТИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Статья посвящена рассмотрению Повести временных лет как источника по истории восточнославянского племенного союза северян, а также источниковедческому и историографическому анализу сообщений об этом племенном союзе в недатированной части указанной летописи. Автор пришел к выводу, что предвзятое отношение летописца, разночтения переписчиков и трудности интерпретации древнерусского текста современными исследователями не позволяют относиться к сведениям этой части Повести временных лет как к самостоятельному источнику информации по истории северян и поэтому они требуют подтверждения со стороны других источников. Однако, несмотря на некоторые особенности, выявленные предшественниками в Повести временных лет, этот памятник продолжает оставаться основным письменным источником по ранней истории восточных славян и северян, в частности.

Ключевые слова: Повесть временных лет, русские летописи, северяне, раннее средневековье, восточные славяне, Днепровское Левобережье, романская культура.

(статья друкується мовою оригіналу)

«Повесть временных лет» (далее ПВЛ) является одним из немногочисленных письменных источников, содержащих сведения о северянах – славянском объеди-

нении Днепровского Левобережья. Всего этот памятник содержит 10 фрагментов (5 в недатированной части и 5 в датированной), в которых упоминаются северяне. Впервые северяне появляются в ПВЛ в рассказе о переселении славян к Днепру, а последнее их упоминание относится к 1024 году, когда они упоминаются в контексте повествования о битве при Листвене. Термины «северяне» и «Северская земля» фигурируют и в последующих сообщениях летописи, но в этих случаях речь идет уже об историко-географической области и ее новом, «древнерусском», населении, перенявшем имя, но не культурную идентичность своих предшественников [17, с. 165, 166]. Рамки одной статьи не позволяют рассмотреть все случаи упоминания северян в ПВЛ, поэтому мы условно разделили эти упоминания на две группы по признаку нахождения в датированной или недатированной частях летописи и рассмотрели в данной статье только первую группу – упоминания северян, которые содержатся в недатированной части ПВЛ. К ним относятся: 1) Упоминание северян в числе славян, переселившихся с Дуная к Днепру; 2) Рассказ об автономных княжениях славян, одно из которых принадлежало северянам; 3) Упоминание северян в числе формирований, говорящих на славянском языке; 4) Упоминание северян в составе славянских объединений, населявших Великую Скифию; 5) Фрагмент об обычаях славян-язычников, где северяне вместе с некоторыми другими восточнославянскими объединениями противопоставляются полянам.

Фрагмент о переселении северян с Дуная. Первый фрагмент ПВЛ, в котором встречается упоминание северян, повествует о расселении славян от Дуная «по всей земле» [11, с. 59]. Летописец начинает перечисление славян с западных формирований, после чего переходит к восточным, первыми называя славян, осевших по Днепру – поляне и древляне. Далее переходит к дреговичам (поселившимся между Припятью и Двиной) и полочанам (осевшим в месте впадения реки Полота в Двину). Затем летописец обращается в сторону севера и сообщает о словенах, построивших Новгород и только после этого возвращается к юго-восточным границам расселения славян и сообщает о северянах: «А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами» [8, с. 207].

Во всех летописных списках эта цитата приведена без существенных разночтений. В Лаврентьевской летописи для обозначения северян используется этноним «Съверь» [12, стб. 6], в Радзивилловской – «сивера» [14, с. 12], в Ипатьевской – «Съверо» [13, стб. 5]. Подобные разночтения не являются чем-то необычным и встречаются довольно часто даже в рамках одного летописного списка, а в некоторых случаях имя северян передается с разным написанием даже в рамках одного предлодения [см. напр.: 13, стб. 17].

Сложно трактовать тот факт, что северяне названы в списке переселенцев последними. Возможно, это связано с их крайним географическим положением или же с тем, что эта группа переселилась с Дуная одной из последних. Не исключено также, что летописец намеренно поставил северян в конец списка, показывая свое негативное отношение к ним, что более ярко проявится далее по тексту летописи.

Сообщение русского летописца о переселении северян с Дуная перекликается с упоминанием Феофаном

Исповедником северян, как славянского народа, жившего на Дунае и подвергнувшегося разорительному набегу кочевников в конце VII века [5, с. 120]. Возможно именно эти события послужили причиной движения северян в сторону Днепра. Подобное предположение может получить дополнительное подкрепление при обращении к археологическим материалам – ранние этапы развития археологических культур Днепровского Левобережья, связанных с летописными северянами, исследователи относят к концу VII – началу VIII века [3, с. 8, 9, 13–15].

Фрагмент о княжениях славян до образования Руси. Следующее упоминание северян в летописи связано с описанием автономности этнических групп, населявших Русь. После подробного рассказа о первых князьях полян, автор ПВЛ приводит перечень остальных формирований, у которых «было свое княжение»: «А у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск. Именно там сидят кривичи, от них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря» [8, с. 209].

Фраза, указывающая на происхождение северян от кривичей, приведена нами в формулировке Д. С. Лихачева. Ближайший к ней вариант содержится в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях: «туда бо съдаты Кривичи таже Сѣверь ѿ нихъ на Бѣлѣвзѣрѣ съдаты Весь» [12, стб. 10]. В публикации Радзивиловской летописи (1989 г.) словосочетания «так же северяне» и «от них» разделены знаком препинания: «Ту бо седят кривичи, таж(е) сѣвера; от них на Белѣозере седять весь» [14, с. 13]. При переводе этого фрагмента на украинский язык, Л. Е. Махновец выделил это сообщение о северянах в отдельное предложение и в своем комментарии к этому месту предположил, что между «северяне» и «от них» возможно не хватает указания направления («на восток»): «...туди сидять кривичі. Також северяни [сидять на схід(?)] од них» [7, с. 6]. И. Д. Беляев из летописной фразы о происхождении северян от кривичей построил гипотезу о нескольких волнах отделения северянской ветви от кривичей вследствие перенаселения территорий, населяемых последними. По его мнению, позднее выделение северян привело к нарушению родоплеменных связей и формированию общинных отношений [2, с. 29–30]. Д. И. Багалея назвал гипотезу И. Д. Беляева «недоразумением» и предложил толковать слово «север» в указанном летописном фрагменте как географическое направление: «к северу» [1, с. 121, 122]. В этом же смысле его употребляет при описании «своих княжений» автор Никонской летописи (XVI в.): «ту дѣ живутъ Кривичи, таже на Сѣверь отъ нихъ съдять» [6, с. 4]. Отметим, что в том же памятнике (Никонской летописи) для «северя», как понятия географического положения, применяется слово «полунощь» (напр.: «иже живут в странах полунощных») [6, с. 5], однако в том же понимании в старославянском языке могло применяться и слово «север» [18, с. 380]. Толкование «север», как направления, кажется в данном случае наиболее подходящим, поскольку территории расселения восточных славян действительно находились на севере от территорий кривичей, тогда как северяне находились скорее на юге от кривичей, чем на востоке, как

было предложено в версии Л. Е. Махновца. Однако, если принять версию, что «сѣверь» в указанном фрагменте – это направление, а не этноним, то мы столкнемся с отсутствием упоминания северян как княжения. Возможно, трудности с пониманием терминологии протографа возникли уже на уровне первых известных нам переписчиков, что и привело к путанице и (возможно) потере некоторых фрагментов первоначального текста.

Фрагмент о языковой идентификации славян Руси. Далее по тексту ПВЛ летописец обобщает славянские группы по языковому принципу: «Вот кто только говорит по-славянски на Руси» [8, с. 209]. Северяне называются в этом списке предпоследними, за ними следуют только бужане, которых в списке славян, расселившихся с Дуная, не было. Текст этого фрагмента передан во всех летописных сводах без существенных разночтений [12, стб. 11; 13, стб. 8; 14, с. 13].

Фрагмент о северянах в составе «Великой Скифии». Следующее упоминание северян в тексте ПВЛ содержится в рассказе летописца о «Великой Скифии», под которой он понимал греческое обобщение для всех восточнославянских народов: «И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседил с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доньне; вот почему греки называли их «Великая Скифия»» [8, с. 210]. Этот фрагмент также не содержит существенных разночтений в летописях [12, стб. 12, 13; 13, стб. 9, 10; 14, с. 14].

Фрагмент об обычаях славян-язычников. Исследователи культурных особенностей восточных славян и, в частности, северян, уделяют особое внимание фрагменту ПВЛ, в котором описываются старые обычаи славян-язычников. Автор летописи хоть и начинает свой рассказ фразой о том, что каждый из славянских народов имел свои обычаи и свой нрав, тем не менее из общей группы выделяет только полян (которых изображает в лучшем свете) и древлян (которых хоть и наделяет нелицеприятными характеристиками, но все же удостоивает отдельного упоминания). Обычаи же остальных народов летописец обобщил как «одинаковые»: «И радимичи, и вятичи, и северяне имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, а были игрища между селами. И сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по договоренности с ними. Имели же по две и по три жены. И когда кто-то умирал, устраивали по нем тризну, а затем раскладывали большой костер, возлагали на него умершего и сжигали, после чего, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как это и теперь еще делают вятичи. Такого же обычая придерживались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе уставяющие закон» [11, с. 63–64].

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях фраза «ели все нечистое» имеет форму «æдуще все нечисто», тогда как в Радзивиловской летописи эта фраза содержит предлог «в»: «ядуще все в неч(и)сто». Отметим, что, исходя из сообщения Д. И. Багалея, большинство его современников, исследователей славянской истории конца XIX века, относили указанную фразу конкретно

к северянам и на ее основании приходили к выводу, что северяне были «грубейшим из племен русских славян» [1, с. 113].

Фраза «и на всякие бесовские песни» имеет такую форму только в Ипатьевской летописи («и на вса бѣсовскыѧ пѣсни»), в Радзивилловской летописи она передана без слова «всякие» («бесовскаа пѣсни»), а в Лаврентьевской слово «песни» заменено повторением слова «игрища» («и на вса бѣсовскаа игрища»).

Слово «костер» в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях приведены в форме «клада», в то время как в Радзивилловской летописи оно имеет форму «крада» [12, стб. 13, 14; 13, стб. 10; 14, с. 14]. Толкование этого слова вызвало особые трудности у исследователей текста ПВЛ. В приведенном нами переводе А. Г. Кузьмина слово «клада» («крада») истолковано как «костер» («вогонь» в украинской версии Л. Е. Махновца [7, с. 9]), но Д. С. Лихачев в своей версии перевода истолковывал это слово как «колода»: «...делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали» [8, с. 211]. Отметим, что еще в XIX веке у Д. И. Багалея не возникало сомнений в том, что слово «клада» («крада») следует интерпретировать как погребальный костер, поскольку в церковнославянском языке оно означает «костер, печь и горящий жертвенный алтарь» [1, с. 75]. Немалую роль в понимании слова «клада» как «костра» сыграл также список ПВЛ, помещенный в Летописце Переяславля Суздальского (рукопись была создана в юго-западных областях Руси примерно в XV в.), где это слово было заменено переписчиком на словосочетание «громада дров»: «И потомъ склад грамаду дровъ велию, полагаху мрътвеца и съжигаху» [15, с. 6]. Большинство переводчиков под громадой дров поняли кострище. Д. С. Лихачев, комментируя фрагмент ПВЛ об обряде захоронения, сослался на вариант Летописца Переяславля Суздальского, но в своих переводах все же продолжал толковать летописное слово «клада» как «колода» [8, с. 228; 10, с. 147].

Летописец Переяславля Суздальского интересен для нас еще и тем, что содержит значительно расширенную и модифицированную версию фрагмента о нравах славян-язычников. Так, например, цитату об «игрищах и плясках» он снабдил вставкой: «и от плясания познаваху, котораа жена или д(е)в(и)ца до младых похотение имать, и от очного възрѣннѧ, и от обнаженѧ мышца, и от прѣсть ручных показанѧ, и от прѣстнеи даралаганѧ на прѣсты чужая, таж потомъ целованна с лобзаниемъ, и плоти съ с(е)рдцемъ раждегшися, слагахуся, иных поймающе, а других, поругавше, метаху на насмѣяние до см(е)рти» [15, с. 6]. Вину в многоженстве славянских народов составитель Летописца Переяславля Суздальского переложил исключительно на женский пол: «Имяхут же и 2 и по 3 жены: зане слабѣ сущи женскыи обычаи, и нач(а)ша друга прѣд другою червити лице и белимъ трѣти, абы уноша възжелела ея на похоть» [15, с. 6]. Фраза о возложении праха мертвеца «на столбах при дорогах» также имеет в этом памятнике некоторые отличия от других списков: словосочетание «на путех» («при дорогах»), характерное для Лаврентьевской, Радзивилловской и Ипатьевской летописей, в Летописце Переяславля Суздальского заменено на «на распутии» (т.е. «на перекрестке»), а непосредственно вслед за этой фразой следует вставка: «и в курганы ссыпаху» [15, с. 6].

Отметим, что похоронный обряд славян-язычников, описанный летописцем, нашел отражение в арабских письменных источниках X века [16, с. 264, 265], а также во многих археологических памятниках северян IX–X вв. Более того, по мнению А. В. Григорьева, описанный летописцем обряд является «этноопределяющим для жителей Северской земли» [3, с. 109].

Главной задачей летописца в приведенном фрагменте вероятно было обоснование причин экспансии и последующего доминирующего положения полян в сформировавшемся Древнерусском государстве. Для этого он противопоставил благочестивых полян, еще не принявших христианство, но уже культурно к нему готовых, некультурным славянам-язычникам, которых еще предстоит покорить князю Олегу на следующих страницах летописи. С другой точки зрения, которой придерживался Д. С. Лихачев, такое отношение к «не-полянам» объясняется банальным патриотизмом летописца-киевлянина [9, с. 110]. По мнению И. Н. Данилевского, главной целью летописца в этом случае было не возвышение полян над остальными славянскими племенами, а противопоставление христианских норм устаревшим языческим традициям. «Звериный» образ жизни соседей полян исследователь связал с возможным заимствованием из текста Ветхого Завета: «Не погубляй тех, которые жили по-скотски, но воззри на тех, которые ясно учили закону Твоему» [4, с. 148]. Если принять эту версию, то летописец в данном отрывке преподносит полян как тех, «которые ясно учили закону Твоему», а их соседей как тех, «которые жили по-скотски», но которых всё же не стоит «погублять». Фраза, завершающая текст летописца об обычаях славян-язычников («не знающие закона Божьего, но сами себе уставляющие закон»), по мнению И. Н. Данилевского также имеет корни в Священном писании: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, но природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон» [4, с. 148]. Учитывая описанную выше гипотезу И. Н. Данилевского об эсхатологической функции летописания, можно предположить, что в данном фрагменте летописец пытается представить полян как достойных проповедников идей христианства в среде погрязших в язычестве восточных славян.

Выводы. Таким образом, упоминания северян в летописях довольно малочисленны и малоинформативны. Те из них, которые были рассмотрены в данной статье, относятся к вводной части ПВЛ, в достоверности которой у исследователей возникает больше всего сомнений. Сообщения о северянах влетены в общую картину славянского этногенеза, переселения в Поднепровье, а также формирования отношений с новыми соседями и внутри восточнославянской ветви. Концептуальных различий, способных повлиять на смысл текстов (включающих упоминания северян) в основных списках текста ПВЛ нами выявлено не было, за исключением фразы о происхождении северян от кривичей, различия которой вызвали различия в толковании этого фрагмента исследователями. В интерпретации и переводе текстов, включающих упоминания северян, существуют некоторые разногласия, но, за исключением трактовки слова «клада» в описании похоронного обряда северян, они не являются существенными.

Список использованных источников

1. Багалей Д. И. История Северной земли до половины XIV ст. / Д. И. Багалей. – К., 1882. – 310 с. + II стр. + Илл.
2. Беляев И. Д. Русская земля перед прибытием князя Рюрика в Новгород / И. Д. Беляев // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. – 1850. – Кн. VIII. – С.1–102.
3. Григорьев А. В. Северянская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / Григорьев А. В. – Тула: «Гриф и К°», 2000. – 263 с.
4. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 383 с.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / [Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова] / Т.2: Восточные источники. – Сост. М. В. Бибинов. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 384 с.
6. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / С прил. извлечений из монографии Б. М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков». (Полное собрание русских летописей. Том IX). – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с., разд. паг. (XXXII с, 256 с.).
7. Летописный русский / Пер. з давньорус. Л. С. Махновця; [Відп. ред. О. В. Мишанич]. – К.: Дніпро, 1989. – XVI+591 с.
8. Повесть временных лет. Ч.1. Текст и перевод / Подготовка текста Д. С. Лихачева; перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова / [под ред. В. П. Адриановой-Перетц]. – М.; Л., 1950. – 405 с.
9. Повесть временных лет. Ч.2. Приложения / Статьи и комментарии Д. С. Лихачева / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. – 556 с.
10. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева / [под ред. В. П. Адриановой-Перетц]. Издание второе исправленное и дополненное. – СПб.: Наука, 1996. – 669 с.
11. Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / [Отв. ред. О. А. Платонов]. – М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. – 544 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись: 2-е изд. / [Под ред. И. Ф. Карского]. Вып.1. Повесть временных лет. – Л., 1926. – 540 столб. + 30 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись: 2-е изд. / [Под ред. А. А. Шахматова]. – СПб., 1908. – 938 столб. + 108 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т.38. Радзивилловская летопись / [Изд. подг. М. Д. Приселковым]. – Л.: Наука, 1989. – 177 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т.41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) / [Предисл. Б. М. Клосса]. – М.: Археографический центр, 1995. – 184 с.
16. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.) / собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. – СПб., 1870. – 308 с.
17. Хабургаев Г. А. Этнонимия Повести временных лет / Г. А. Хабургаев. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – 232 с.
18. Slovník jazyka staroslovenskeho. T.36 / [Hlavní redaktorka: Zoa Hauptova]. – Praha, 1983. – 385 s.
19. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu / S pril. izvlecheniy iz monografiy B. M. Klossa «Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov». (Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom IX). – M.: Yazyki russkoy kultury, 2000. – 288 s., razd. pag. (XXXII s, 256 s.).
20. Litopis ruskiy / Per. z davnorus. L. E. Mahnovtsya; [Vidp. red. O. V. Mishanich]. – K.: Dnipro, 1989. – XVI 591 s.
21. Povest vremennykh let. Ch.1. Tekst i perevod / Podgotovka teksta D. S. Lihacheva; perevod D. S. Lihacheva i B. A. Romanova / [pod red. V. P. Adrianovoy–Peretts]. – M.; L., 1950. – 405 s.
22. Povest vremennykh let. Ch.2. Prilozheniya / Stati i komentarii D. S. Lihacheva / pod red. V. P. Adrianovoy–Peretts. – M.; L.: Izd–vo Akademii Nauk SSSR, 1950. – 556 s.
23. Povest vremennykh let / Podgotovka teksta, perevod, stati i komentarii D. S. Lihacheva / [pod red. V. P. Adrianovoy–Peretts]. Izdanie vtoroe ispravlennoe i dopolnennoe. – SPb.: Nauka, 1996. – 669 s.
24. Povest vremennykh let / Sost., primеч. i uk. A. G. Kuzmina, V. V. Fomina. Vstup. st. i perevod A. G. Kuzmina / [Otv. red. O. A. Platonov]. – M.: Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana, 2014. – 544 s.
25. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.1. Lavrentevskaya letopis. Vyip.1. Povest vremennykh let. – L., 1926. – 540 stolbts. 30 s.
26. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.2. Ipatevskaya letopis. – SPb., 1908. – 938 stolbts. 108 s.
27. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.38. Radzivilovskaya letopis. – L.: Nauka, 1989. – 177 s.
28. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.41. Letopisets Pereslavlya Suzdalskogo (Letopisets russkikh tsarey). – M.: Arheograficheskiy tsentr, 1995. – 184 s.
29. Skazaniya musulmanskih pisateley o slavyanah i russkikh (s poloviny VII veka do kontsa X veka po R.H.) / sobral, perevel i ob'yasnil A. Ya. Garkavi. – SPb., 1870. – 308 s.
30. Haburgaev G. A. Etonimiya Povesti vremennykh let / G. A. Haburgaev. – M.: Izd–vo Moskovskogo universiteta, 1979. – 232 s.
31. Slovník jazyka staroslovenskeho. T.36 / [Hlavní redaktorka: Zoa Hauptova]. – Praha, 1983. – 385 s.

Kiritchenko M. I., postgraduate student, Department of Historiography, Source Studies and Archaeology of the Faculty of History, V. N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine, Kharkiv), mkiritchenko@gmail.com

Severians in the undated part of the Primary Chronicle

The article considers the Primary Chronicle as a source on the history of Severians – one of tribal unions of early East Slavs. Also it considers historiography and source analysis of mentions of Severians in the undated part of the chronicle. The author concludes that the biased attitude of the chronicler, scribes' discrepancies and difficulties of interpretation of ancient text by modern researchers do not allow to treat the information of this undated part of the Chronicle as a self-sufficient source of information on the history of severians. Therefore, they require corroboration from other sources. However, the Primary Chronicle remains to be a major source of information on the early history of the Eastern Slavs and Severians in particular.

Keywords: Primary Chronicle, Tale of Bygone Years, Russian chronicles, Severians, the early Middle Ages, East Slavs, east of the middle Dnieper river, Romenskaya culture.

Кириченко М. І., аспірант кафедри історіографії, джерелознавства та археології історичного факультету, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна (Україна, Харків), mkiritchenko@gmail.com

Сіверяни в недатованій частині Повісті временних літ

Стаття присвячена розгляду Повісті временних літ як джерела з історії східнослов'янського племінного союзу сіверян, а також джерелознавчому і історіографічному аналізу повідомлень про цей племінний союз в недатованій частині зазначеного літопису. Автор прийшов до висновку, що упереджене ставлення літописця, різночитання переписувачів і труднощі інтерпретації давньоруського тексту сучасними дослідниками не дозволяють ставитися до повідомлень недатованої частини Повісті временних літ як до самодостатнього джерела інформації з історії сіверян і тому вони потребують підкріплення з боку інших джерел. Однак, незважаючи на деякі особливості, виявлені дослідниками в Повісті временних літ, ця пам'ятка продовжує залишатися основним письмовим джерелом з ранньої історії східних слов'ян і сіверян зокрема.

Ключові слова: Повесть временных лет, руські літописи, сіверяни, раннє середньовіччя, східні слов'яни, Дніпровське Лівобережжя, роменська культура.

* * *